

ГОЛАЯ ленфильмовская комната. Два вытертых кресла. В углу прямо на полу сиротливо притулился телефон. Скобоченная корзина для мусора. Сидим вдвоем, напротив друг друга. Курим. Пепел — в корзину.

...Что-то в нем безусловно располагает. Разговор уже пошел, уже закручивается, петляет... Низкий, густой, красивый голос — голос драматического актера, но без театральной «жирности» интонаций. Лицо острое, подвижное. Большие очки в роговой оправе, толстые стекла. Взгляд внешне безучастный, как-то вскользь, а в глубине — все подмечающая цепкость. Полное отсутствие самолюбования. Никакой самоподдачи. Ничего от модного актера, от человека, ставшего популярным.

— Понимаете, мы — консервативное общество, — говорит Приемыхов. — Ужасно консервативное. Все в нас как было когда-то всажено — так и осталось. Мы почти не меняемся. И жизнь наша — почти неизменна...
— У нас новая пресса. У нас появилось телевидение с такими программами, репортажами, дискуссиями, которые и не снились раньше. Уж это я знаю точно — сам работал и в газете, и на ТВ.

— Да, да, конечно... Пресса, ТВ. А все остальное? А сам образ жизни нашей? Я сужаю жду воскресенья. Особенно — воскресенья вечера. Все — по домам! Попивают водочку. Смотрят телек. Скучно. Вяло. В десять вечера улицы как подметены — ни одного человека. Горько после десяти — мертвые. В центре только фонари горят. Все задрало, заштобено, закрыто. Люди разучились веселиться, радоваться жизни. А почему? А потому, что много лет подряд нам исподволь внушали: пораньше ложитесь, с утра — «планов громадье!» И задрали наглухо! И отучили! Эти железобетонные формулы — «погодим!», «народ не поймет», «как бы чего не вышло» — ведь это образ жизни. Отношение к человеку как к рабочей скотине. Непрошибаемая мертвечина кругом. И крепка еще, ох, крепка! И наверху, и внизу.

— В чем же вы — худож-

ник — видите сегодня свою задачу?

— Уильям Фолкнер писал: «Я учу людей мужеству жить». Вот, по-моему, задача, достойная художника любой страны и в любые времена. Не «воспитывать». Не «пропагандировать». Помочь — самое главное... Способность отстоять себя, свои убеждения, способность сохранить себя, выстоять — вот в чем мужество жить, я думаю. Кто им надежен, кто проявил его в недавние времена? Немногие. Очень немногие. По распространенному мнению, талантливый человек все равно пробьется. Самые талантливые из тех, с кем учился, работал, не пробились. Спились. Попали в тюрьму. Погибли. Что же мы за народ такой, что же мы за интеллигенция такая, если самых мужественных, самых умных и талантливых у нас содержат под конвоем, выталкивают в эмиграцию, спихивают в преждевременную могилу!

— С этим не поспоришь. Но мне кажется, и у вас, и у Динары Асановой, с которой вы много работали, все-таки творческие судьбы сложились...

— Динара — везунчик! Общественный интерес к ее фильмам — безусловен. Международные премии. Отечественные награды, звания. Казалось бы, ну что человеку еще надо? Но мало кто знает

историю ее мытарств. Ведь все — на крови.

Запреты, пересъемки, подрезки, «полка» — это сопровождало каждую картину Динары. Как обнюхивали высокопоставленные чиновники от искусства буквально каждый кадр ее фильма «Ключ без права передачи». Требовали вырезок. Убирали отдельные словечки, фразы.

В каких условиях жил этот везунчик? Пять лет не получала зарплату. Вместе с ребенком и мужем годами снимали комнату... Ушла из жизни в сорок два с половиной...

О Высоцком, помню, рассуждали после его смерти: чего еще надо было человеку? Жена — француженка, машина, квартира в центре Москвы, слава — по всей стране, в каждом доме слушают записи, работает в Театре на Таганке, выступает в Париже... Везунчик! Только почему-то знал: жить осталось совсем немного. Ушел в сорок два с половиной...

Василий Шукшин... В кино лучшего диалога, чем у него, не знаю... Чуть больше протянул...

Нет, не случайно большие художники так рано умирают. Не случайно... Кстати, я мог познакомиться — были такие случаи — и с Высоцким, и с Шукшиным. Но решил про себя: «Рано. Вот лет через пять... Когда я не просто так... Когда что-то сделаю». Вот тогда... Не случилось.

Вет. Ленинград. — 1989. — 2 токн.
Валерий ПРИЁМЫХОВ:

ЭТО МЕНЯ ВОЛНУЕТ...

Фото Э. КАЦЕВА

— Динара — кинорежиссер — сыграла большую роль в вашей жизни...

— Я не ожидал, что для меня с ее смертью наступит такая пустота. Смерть Динары — случайность, которая поджидала ее. Я так и не понимаю, в чем ее секрет... Она осталась загадкой, хотя мы были дружны. Вместе работали, ели-пили, одалживались друг у друга...

Мне лично Динара дала путевку в жизнь. Я обязан ей судьбой. Первая роль в кино — фильм Асановой «Жена ушла» — на мой взгляд, лучшая

у меня. Вообще в том, что я сегодня делаю, — постоянно чувствую ее присутствие. «Это — Динара», — говорю я себе. Или, напротив, — «Это — не Динара». Хотя... Я работаю по методу отсекания. Подхожу к исполнителю и тихо говорю ему: «Знаешь, все хорошо. Только вот это — лишнее. Убери, пожалуйста». А Динара — наоборот. Она все позволяла. Она руководствовалась известным постулатом из клятвы Гиппократов — «Не навреди!» Мы собирались с ней ставить «Джан» по А. Платонову.

— Кто из новых кинорежиссеров привлекает ваше внимание?

— Саша Кайдановский. Он мне интереснее, чем, допустим, Александр Сокуров или Иван Дыховичный. Я снялся в его дебютном фильме «Простая смерть» («Смерть Ивана Ильича») по Толстому и испытал глубокие, острые переживания в процессе съемок.

— Как складывалась ваша карьера в кино?

— Непросто. В кинематографе вообще пробиться очень трудно. Здоровье нужно крепкое. У меня, помню, был острый приступ тоски — я ушел из большого кино. Стал писать короткометражки.

— Вы не хотели бы работать в театре?

— Нет. По театру не скучаю. Может быть, именно потому, что несколько сезонов работал в драматическом театре города Фрунзе. Более униженного состояния, чем у актера в театре, я не знаю.

Крепостная зависимость от режиссера, от актеров «с положением», от местного парткома, дирекции. И нищенская зарплата. Актерский хлеб в театре горек и скуден. Для подавляющего большинства. Кстати, я не осуждаю тех актеров, кто стремится много зарабатывать...

Но самое главное — нет возможности реализовать свои способности. Для меня, по крайней мере, это было так.

— Кто вам нравится из ленинградских актеров?

— Нина Усатова. Она, знаете, в Молодежном театре... В нашем фильме «Холодное лето 53-го» сыграла немую женщину. Мало того, что она замечательная — драматическая актриса. Она обладает к тому же и ярким комедийным дарованием, что не часто встречается. И говорит о многом. А ее работа в «Холодном лето» — первоклассная удача.

Актер — это такая профессия... Как бы это сказать? За актерскую работу, если она не удалась, стыднее, чем за все остальное! Потому что всякому видно, чего ты стоишь. Я не люблю фильм «Попутчик», где провалил роль. Ощущение — будто выставили нагишом при скоплении народа.

— Вы пишете прозу?

— Да, пишу. Первый рассказ «Билет» я опубликовал еще школьником. Подборка моих рассказов должна была пойти в журнале «Огонек». Не пошла. Сказали, Коротич выбросил. Это успокаивает — все-таки «сам Коротич!» Может быть, в ленинградском журнале «Костер» выйдет маленькая повесть. Один московский писатель постоянно уговаривает меня бросить кино и заняться исключительно прозой. Думаю, моей основной профессией останется со временем литература.

— А почему вы взяли еще и за режиссуру? Что это — безграничная творческая жадность? Жажда самоутверждения? Непреодолимое желание славы?

— Вынужденная мера. От безвыходности. Сценарий «Штаны» переделывался, сдавался и снова возвращался ко мне на стол в течение двенадцати лет! Не мог найти режиссера. Решился ставить сам. Очень это трудное дело — и сценарий, и играть, и режиссировать. Но что же делать? Эти сволочи отобрали у меня 15 лет жизни. Лучших! На бесконечные переделки и

переписки сценариев.

— Последнее: из предложений вам как актеру что вас взволновало? Есть ли такие предложения?

— Есть. Но говорить о них преждевременно, поскольку все это дело будущего. Что и как повернется, не предугадать. По-настоящему в свое время взволновало меня предложение режиссера Александра Прошкина участвовать в его фильме «Холодное лето 53-го». И сценарий фильма, и роль Лузги, которую предстояло сыграть, и партнерство с замечательным человеком и актером Анатолием Папановым — работа в картине оказалась его лебединой песней — все это не просто заинтересовало, но стало частью моей жизни. Я вложился в эту работу сердце, свое понимание, видение страшного периода нашего общества.

Есть такое широко известное наставление актерам: играя плохого человека, ищи в нем хорошее. И наоборот... А мне что-то не хочется искать плохое в Лузге или хорошее в тех, кто творил репрессии... Сегодня часто слышишь разговоры о том, что Сталин — палач, а Бухарин, Зиновьев, Троцкий — жертвы. Но ведь была еще и откровенная борьба в банде, общее соучастие во зле.

Вообще, наши разговоры об этом... напоминают рассуждения оленей о нравственности льва. Я думаю о зле, которое знает, что оно зло, в какие бы словесные одежды ни рядилось. Это меня волнует...

Мы расходимся в длинных ленфильмовских коридорах. Но ставлю точку в конце встречи почему-то не хочется. Может быть, оттого, что Приемыхов весь в движении, в попытках нового самоопределения, в сложной внутренней ломке. Я не знаю, в какие формы выльется этот процесс, как он отзовется на дальнейшей судьбе художника. Остается, как в самой жизни, ощущение незавершенности и драматизма. Прерывистый пульс вопросов и многоточий... Как-то все сложится!..

Беседу вел Э. ЯСНЕЦ